

УДК 321.073(470+345)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. А. Писачкин

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск
E-mail: pisachkin@yandex.ru

В статье рассматриваются политические преобразования как важнейший фактор институциональных, структурных и культурных изменений общества. Особо подчеркивается зависимость интенсивности политических процессов от структуры их пространственных особенностей: отношений центра и периферии, характера горизонтальных и вертикальных связей и отношений субъектов и т. д.

Ключевые слова: политические преобразования, политическое пространство, социальное пространство, социальная политика, политический процесс.

Political Transformation as the Factor of Transformation of Social Space of Modern Russia

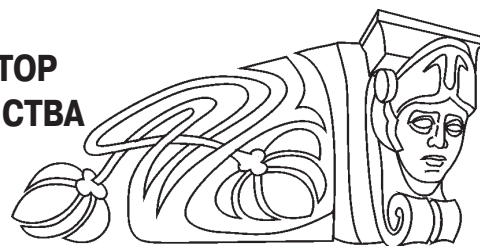
V. A. Pisachkin

The article deals with the political transformation as the important factor of institutional, structural and cultural transformations of society. The main emphasis is laid on the dependence of intensity of the political processes from the structure their spatial features: the relation of center and outlying area, the character of horizontal and vertical relations of subjects and so on.

Key words: political transformations, political space, social space, social politics, political process.

Политические преобразования всегда рассматривались в качестве важнейшего фактора трансформации социального пространства. Исследователи социальной и культурной истории России, философы, социологи, политологи подчеркивают роль политических реформ в институциональных, структурных и культурных изменениях общества, трансформации социального и культурного пространства. В литературе отмечается, что исторический опыт России предостерегает против того, чтобы видеть решение всех проблем лишь в производстве определенной реформы. Проблема эффективности преобразований состоит в «способности субъекта» разумно использовать, «воспроизводить, освоить их в своей культуре». Поиск специфики политических реформ всегда связан с особым вектором социальной реальности, «сферой наличных и потенциальных способностей людей»¹. Успех политических преобразований отражает их соответствие духу времени.

Трансформация социального пространства связана с фактором социального времени, ко-

торое, по мысли Маркса, является «активным бытием человека»². Классики синергетики отмечают, что «пространство приобретает временное измерение» и делают вывод о факте «овременивания пространства»³. В концепции восприятия событий пространства (идентичности) и трансформации объектов английским социологом Э. Жаком⁴ проводится мысль о трансформации объектов, когда они продолжают существовать в иных точках или измененных состояниях, и тогда акцент делается на восприятии процессов последовательной событийности, прослеживающейся как во внешнем мире, так и в сознании, воспринимаемом экзистенциально. Трансформации социального пространства происходят в различных масштабах социального времени, как исторического, так и актуального. Но характер преобразований социального пространства проясняется лишь тогда, когда общественный субъект сознает, в какое время он живет, различая расчленение социального времени на прошлое, настоящее и будущее.

В современном мире под влиянием целого ряда причин произошли различные революции: научно-техническая, информационная, технологическая, концептуально-стратегическая. Социальное пространство подверглось мощнейшим деформациям в плане информатизации, технологизации, институционализации, коммуникативизации, символизации и другим воздействиям и изменениям морфогенетической структуры общества, его социального пространства. Глобализация в современном мире – один из важнейших векторов социальных изменений пространства социума.

Автор миросистемной методологии, президент Международной социологической ассоциации, американский социолог И. Валлерстайн призвал мировое научное сообщество к конструированию исторической социальной науки на базе методологии, соединяющей натуралистический анализ макропроцессов и микроявлений (с культур-центристским измерением отдельных точек). «Мир, по мнению ученого, есть продукт прошлого, задающего параметры для новых путей»⁵. Применение эвристической оценки жизненной стратегии между трансторическими обобщениями и частными изложениями следует связывать с объяснением «действительности как конструируемой реальности», что требует углубления социальной рефлексии в направлении воссоединения мира знания. Глобальный вектор

социально-политических изменений общества действует «вкуче» с векторами регионального и функционального дифференцирования социума.

Параллельно процессу глобализации происходит фрагментация общей и целостной картины мира на пространственные сегменты. Это явление Э. Гидденс рассматривает как регионализацию в процессе зонирования «общепринятых социальных практик в пространстве-времени». Регионализация – это «темпоральная, пространственная или пространственно-временная дифференциация регионов внутри локальностей или между ними». Посредством регионализации «общества определяются как стабильно гомогенные, унифицированные системы». Анализ проблем регионализации связан с необходимостью разработки концептуальной системы «контекстуальности социальной жизни и общественных институтов» во взаимоотношениях социальной и системной интеграции. Различные модели регионализации формируются в процессе социальной интеграции, т. е. во взаимодействиях «в контекстах соприсутствия»⁶.

Большой интерес современной социальной науки привлекает теория социального пространства П. Бурдьё. Теория социального пространства, является базовой для развития и методологического применения социальной топологии. Это понятие служит для обозначения области социального знания, позволяющей изобразить социальный мир «в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме»⁷. Выявляемые свойства социального пространства носят функциональный характер. В структуру социальной топологии Бурдьё вводит понятие поля для обозначения относительно автономного пространства как некоего микрокосма, наделенного собственными законами. Этот микрокосм подчинен социальным законам, но обладает определенной автономией, что относится непосредственно к тем или иным институтам общественной жизни и организации (в науке это институты агрономии, статистики и др.).

Французский автор обращается к вопросу о социальном назначении науки и о культурном производстве как особом виде анализа, претендующего на статус научного. Поле науки является социальным миром и, будучи таковым, осуществляет принуждения, предъявляет требования и т. д. Таким образом, Бурдьё пишет про автономизацию поля в рамках социального пространства. Проявлением автономии поля является его способность к рефракции. Сила его рефракции есть способность к преобразованию. И наоборот, гетерономия поля в основном проявляется в том, что внешние проблемы, особенно политические, находят в нем свое прямое выражение. Интересно рассуждение французского

автора о том, что «политизация» той или иной дисциплины или института служит показателем ее слабой автономии. В подобной ситуации «малокомпетентные, с точки зрения специфических норм поля, люди имеют возможность вторгаться в него, действуя от имени гетерономных принципов, вместо того, чтобы быть немедленно дисквалифицированными»⁸. Поле политики в подобном аспекте выражает логику того, кто призван говорить о социальном мире, социальном пространстве, социальной реальности. Эта логика формулирует картину видения «политического мира», основанного на объективности, поскольку оно «обладает реальными референтами и укорененного в социальной реальности, поскольку оно подтверждается теми, кто принимает его на свой счет и отстаивает». Эта логика выражает способность поля политики к мобилизации людей «через присвоение ими предложенных принципов поведения»⁹.

Масштабные политические преобразования деформируют социальное пространство за счет активизации энергии того или иного капитала, который получает определенные политические предпочтения. Благоприятные условия содействуют преодолению проблемных ситуаций, неблагоприятные – наоборот, свертывают позитивные достижения имеющихся практик. Подобные изменения характерны для современной России, пережившей значительные ломки в сфере производства, демографии, науки, культуры. Рассуждение Бурдьё вполне адекватно описывают ситуации в аспекте практики политических преобразований современного социума. Так, для современных преобразований российской науки и высшей школы травматическая ситуация складывается в контексте действий чиновников, реализующих курс на реформы системы оценки качества работы ученых и преподавателей в сфере высшего образования. Авторы статьи «Какой посткапитализм нужен России?» подчеркивают мысль о том, что проводимый курс в рамках реформы неэффективен, поскольку не существует единой модели общества знания, которую можно было бы поставить «под ключ». Но существует реальная опасность той стандартизации, которая требует переформатировать имеющиеся знания и отказаться от не укладывающихся в «новые форматы традиций». Поэтому для нахождения адекватных ответов на вызовы, связанные со стремительными изменениями в мире, «каждое из существующих в мире обществ должно осознавать и адекватным образом использовать накопленное богатство знаний и способностей»¹⁰.

Информационное пространство социальной реальности – новая качественная определенность, характеризующая пространственно-временной континуум и смыслодеятельную структуру бытия. Современное общество становится информационным по мере того, как информация становится все более существенной составляющей

щей производства и потребления. Современные аналитики говорят об информации как о главном и отличительном признаке современного мира. Утверждаются идеи о том, что мы входим в информационную эру, что новые «способы информации» превалируют, что мы живем в «электронном обществе» и подходим к «виртуальной экономике», движущей силой которой стала информация. Многие эксперты считают, что мы уже существуем в условиях «глобальной информационной экономики». Идея информационного общества пришла по душам политикам и тем, кто политику определяет¹¹.

В рамках качественной или семантической интерпретации понятия информации речь идет об особой форме знания – о владении технологиями применения информации в любом виде деятельности, т. е. умеющем знании. Информация как умеющее знание есть не что иное, как способность к деятельности, возможность запустить в ход определенный процесс, привести его в движение, заставить результативно работать. В данном случае речь идет об инструментальном знании. Только в том случае, если информация способствует процессам взаимодействия, если она обеспечивает каждого ее потребителя и тех, кто ею управляет, возможностью принимать квалифицированные и выверенные решения, она превращается в подлинное знание. Поэтому следует вести речь об информационной культуре¹².

Информация как умеющее знание есть инструментальное знание. Но наряду с ним исследователи также пишут о знании рациональном, в том числе о возрастающей роли теоретического знания. Ф. Уэбстер отмечает, что если под теоретическим знанием понимать абстрактное, обобщаемое и кодифицированное знание, то вопрос о нем редко возникает среди философов и социологов, интересующихся информационным обществом. Дело в том, что теоретическое знание имеет мало общего с информационными технологиями, с качеством информации, сдвигами в структуре занятости или информационными потоками¹³. Процесс информатизации современного общества имеет экономический смысл, который состоит в доминировании информационных продуктов и услуг в производстве и потреблении. Информационные технологии вызывают интеграцию различных форм деятельности. Информация становится движущей силой национального богатства, фактором изменения качества жизни. Социокультурный смысл связан с увеличением динамики социальной жизни, появлением большей свободы выбора, изменением коммуникативного процесса, изменением требований к человеку.

Любой коммуникативный акт осуществляется в рамках пространственно-временных координат. Все коммуникативные взаимодействия реализуются в коммуникативном пространстве и все информационные процессы в обществе

обозначаются термином «социальная коммуникация». Каждое общество образует свое коммуникативное пространство, агентами которого выступают как отдельные люди, так и группы людей и социальные институты. Совокупность связей, возникающих между людьми, их группами, социальными институтами, формирует социальное коммуникационное пространство. Под коммуникативным пространством принято понимать в самом общем виде всю систему многообразных коммуникативных связей, возникающих между различными агентами коммуникации.

Практика, по определению П. Бурдьё, сталкивается с сознанием, но остается внешней ему, а сознание гетерогенно ансамблю практик, однако необходимо как выражение «предельного случая». В роли экстремально «внутренней» и «идеальной» сознание демонстрирует некоторые сущностные характеристики «внешней» социальной практики. Однако, будучи как бы внутренней составной частью совокупности практик, сознание отрицает его универсальный принцип – пространственно-временную локализацию в социальном мире, сингулярность, не говоря уже о многом другом. Парадоксально, но обнаруживаемый разрыв между «внешней» практикой и «внутренним» сознанием есть конститутивный элемент совокупности социальных практик, фиксируемых социологией. Всякая социальная практика в отношении с другими практиками выражает процесс «исторического становления». Любая практика *есть различие*: когда агент что-либо совершает, он отличает себя от предмета своей практики; то, что и как он производит, отличает его предмет деятельности от других; его способ и манера действия отличается от характеристик других агентов и т. д. Только при этом условии практика может быть выделена из хаоса «общественной жизни»¹⁴.

Практика как деятельность, направленная на изменение материального и социального мира и самого человека, реализуется в широком многообразии форм и способов развития общественного бытия, воспроизводства человеческого капитала и опыта совместной жизнедеятельности людей. Рассматриваемая в аспекте социального пространства и времени, практика представляет собой особую социальную связь, механизм накопления и трансляции человеческого опыта, знаний, информации. Практическое перемещение этого опыта может носить как продуктивный характер, так и сопровождаться потерями и утратами, разрушительным действием «разнотипных практических форм» общественного бытия. Для каждой социальной практики существует своя предметная область, представленная в широком аспекте мышления, в ряду возможных схем для индивида, каждого сообщества и общества в целом. Практика служит обязательным компонентом конструирования пространственной ло-

гии воспринимаемой и изменяемой социальной реальности.

Политическое пространство в этом мире представляет собой арену действия различных политических сил, субъектов (институтов, организаций, союзов), движений, процессов, идей, теорий, лозунгов и призывов, а также отношений между классами и государствами, народами и другими политическими образованиями и системами. Политическая практика современного государства такова, что «ни одно практическое действие государства, его политической власти не предпринимается без стратегических расчетов, выделения долговременных научно обоснованных целей, разработки и осуществления перспективных программ развития»¹⁵. Формируемые политические проекты реформ и преобразований, принятые к реализации программы всегда требуют глубокого и всестороннего осмысления, критико-рефлексивного анализа, экспертных оценок и при необходимости коррекции.

Для России характерен опыт «реформ сверху». Например, посткоммунистический переход имеет свое «культурное измерение», связанное с принятием новой системы культурных ценностей, который содержит в себе «генеалогию культурной травмы»¹⁶, выражающей определенную степень дезорганизации, хаоса, глубины диссонанса по отношению к альтернативной культуре. Политические преобразования связаны с социальной политикой, с созданием условий социального благополучия, равновесия в общественной жизни (гарантий амортизации голода, болезней стихийных бедствий, катастроф), условий обеспечения качества и уровня жизни, демографического роста населения, миграционной регуляции, образа жизни, налогообложения, образования, благотворительности, борьбы с преступностью и пр. В российских регионах они в значительной степени обусловлены характером политической субъектности региональных социумов и элит, принимающих участие в конкретных преобразованиях на местах¹⁷. Интенсивность политических процессов во многом определяется структурой их пространственных особенностей: отношением центра и периферии, характером горизонтальных и вертикальных связей и отношений субъектов, концентрацией социальных, политических, военных, экономических, идеологических сил и факторов, действующих в сфере мирового (глобального, межконтинентального), международного и национального, регионального и локального пространства. В. В. Ильин подчеркивает стратификационный характер политического пространства, связывая его с причинами неравного распределения власти, которое «в любом обществе состоит в технологии любой совместной деятельности: ее условием является наличие координации, а координация невозможна без концентрации в координирующем центре определенной власти над людскими и ма-

териальными ресурсами... Политическая власть концентрируется в результате технологической невозможности полного и реального самоуправления»¹⁸.

Действия сообществ людей по социальному конструированию реальности, с одной стороны, направлены на адаптацию к условиям среды и ее улучшение, переструктурирование «условий сред». Отталкиваясь от этой посылки и анализируя этот процесс реальных изменений, американский социолог У. Огборн в середине прошлого века создал теорию отставания культуры. Основная идея его теории состоит в том, что одни элементы культуры не успевают за другими, между ними складывается культурный лаг (запаздывание). Все социальные, технические, технологические и культурные перемены происходят через развитие и кристаллизацию личности, ее моральных качеств. Одновременно происходит организационная революция, связанная с возникновением организационных структур (демократических учреждений, рыночных институтов), которые становятся необходимыми социальными амортизаторами нарастающего усложнения общественной жизни. Однако техническое и технологическое развитие постоянно и быстро идет вперед, а процесс адаптации в других областях (в культуре, морали) запаздывает. Нормы и правила регуляции адекватного поведения входят в практику гораздо позже. Такова особенность в развитии культуры, подмеченная американским социологом¹⁹.

Социальные изменения, шоковая терапия, культурные травмы сопутствуют политическим преобразованиям общества. Социальные последствия сопровождают производимые реформы в обществе, обуславливают изменения между расстановкой акторов общественного бытия, формируемого и концентрируемого капитала (экономического, политического, культурного), определяющих облик социального пространства и систему регуляции общественных отношений.

Примечания

- ¹ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахизер А. С. Реформы и контрреформы в России. М. : Изд-во МГУ, 1996. С. 327–328.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. Изд. 2. М. : Гл. изд-во полит. лит., 1955–1981. Т. 47. С. 517.
- ³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986. С. 60.
- ⁴ См.: Современные социологические теории социального времени : Научно-аналитический обзор / автор обзора П. Н. Фомичев ; отв. ред. Ю. А. Кимилев. М. : ИНИОН РАН, 1993. С. 7.
- ⁵ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М. : Логос, 2004. С. 285.
- ⁶ Гидденс Э. Устроение общества : Очерк теории структуриации. М. : Академический Проект, 2003. С. 500.

- ⁷ Бурдые П. Социология социального пространства. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 2005. С. 15.
- ⁸ Социоанализ Пьера Бурдые : альм. Рос.-фр. центра социологии и философии ИС РАН / отв. ред. М. А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 2001. С. 52–53.
- ⁹ Там же. С. 125.
- ¹⁰ Алексеева И. Ю., Алексеев А. П. Какой посткапитализм нужен России? // Вопр. философии. 2014. № 10. С. 18.
- ¹¹ См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М. : Аспект-Пресс, 2004. С. 6.
- ¹² См.: Кантерев А. И. Информатизация социокультурного пространства. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. С. 478.
- ¹³ См.: Уэбстер Ф. Указ. соч. С. 370.
- ¹⁴ Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетей, 2001. С. 210.
- ¹⁵ Иванов В. Н. Социальные технологии в современном мире. М. : Славянский диалог, 1996. С. 276.
- ¹⁶ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М. : Логос, 2005. С. 478.
- ¹⁷ См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191.
- ¹⁸ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Указ. соч. С. 26–27.
- ¹⁹ Цит. по: Асп Э. Введение в социологию. СПб. : Алетей, 1998.

УДК 321.01

ПОСТСОВЕТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ПЕРЕД НОВЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМИ ВЫЗОВАМИ

М. В. Горбачев

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: ktrp@sgar.ru

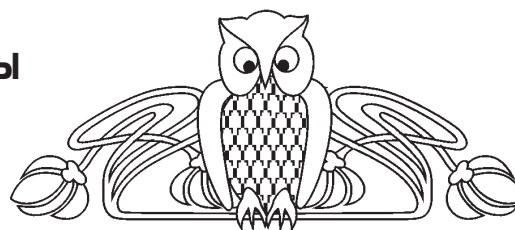
Политическое пространство, которое условно принято называть постсоветским, уникально по своей сущности и природе возникновения. Значительное количество вертикальных политических связей, отношений и механизмов, которыми были объединены государства, входившие в СССР, оказались заменены на горизонтальные формы политических взаимодействий. Одной из таких форм стали разнообразные политические проекты, которые инициировались лидерами постсоветских республик, в том числе и российской политической элитой. Часть этих политических проектов была связана с прозападной перспективой развития, другие затрагивали возможности евразийской интеграции, третьи ориентировали в сторону «восточного вектора» роста. Все эти разнородные политические проекты объединяло одно: выбор интеграционной модели, которая по своей сути означала более значительный и глубокий по своему содержанию цивилизационный выбор. Такой выбор особенно остро встал перед современной Россией как крупнейшей страной постсоветского пространства. В статье анализируются проблемы разработки постсоветских политических проектов цивилизационного уровня. Исследуются их детерминирующие факторы, выявляются их возможные перспективы.

Ключевые слова: политические проекты, евразийское пространство, евразийская политика, западная цивилизация, цивилизационные тренды, политический дискурс, интеграционные модели, постсоветское пространство.

Post-Soviet Political Projects Before the new Civilizational Challenges

M. V. Gorbachev

Political space that is conventionally called post-Soviet, unique in its essence and nature of the occurrence. A significant amount of vertical political ties, relations and mechanisms, which were United States that

were part of the USSR, was replaced by a horizontal form of political interactions. One of these forms have become diverse political projects, which was initiated by the leaders of post-Soviet republics, including the Russian political elite. Part of these political projects was associated with Pro-Western perspective of development, other, raised the possibility of Eurasian integration, third, oriented towards the «Eastern vector» of growth. These diverse political projects had one thing in common: the choice of the integration model, which essentially meant more significant and profound in its content civilizational choice. This choice is particularly stood before modern Russia, as the largest country in the post-Soviet space. The article analyzes the problems of development of Russian political projects civilizational level. Investigates their determining factors, identify their possible prospects.

Key words: political projects, Eurasia, Eurasian politics, Western civilization, civilization trends, political discourse, integration models, post-Soviet space.

Российские политические лидеры различного уровня практически сразу после распада СССР стали предлагать разные варианты участия России в определении параметров постсоветского пространства. Большинство этих проектов носило теоретический характер, их положения и принципы применялись в практической политике только по отдельным направлениям в конкретных ситуациях. Активация проблем постсоветского политического проектирования современными российскими политическими лидерами произошла только в начале 2000-х гг. Это связывается с целым рядом событий, таких как реакция ЕС на конфликт августа 2008 г. в Южной Осетии, продолжении строительства третьей линии ПРО в Восточной Европе, провал попытки установить безвизовый режим с Евросоюзом, нестабильность на Украине¹.